

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИНСЕКТИВНЫЕ СРАВНЕНИЯ И МЕТАФОРЫ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Душенкова Татьяна Рудольфовна

кандидат филол. наук, ст. науч. сотрудник

УдмФИЦ УрО РАН

г. Ижевск

INJECTIVE COMPARISONS AND METAPHORS IN THE UDMURT LANGUAGE

ABSTRACT

The article discusses entomological comparisons and metaphors with the components kay 'mole', pyč 'bug', lemтай 'tick', chibin 'mosquito', kut 'fly', bubyli 'butterfly', mush 'bee', kuzili 'ant'. Examples from Russian and some Finno-Ugric and Turkic languages are also involved. Such a study of the material gives an interesting picture, where the universal and national in each of the languages is revealed.

Key words: metaphor, comparison, name, Udmurt language

В удмуртском языке не так много выражений, в которых используются сравнения с компонентом насекомых. Лексические единицы, имеющие в своей основе инсективные компоненты, отражают характер человека [см. тж: 3; 4], дают антропологические характеристики объекта высказывания. Символика подобных выражений ярко отражает ментальность народа. Рассмотрим более подробно примеры с компонентами насекомых.

Кибы 'букашка, жучок; насекомое', *нымы-кибы* 'мелкое насекомое; мошкара', коми *ном* 'комар; мошка, мошкара' (удмурт *нымы* < **нуми*); мар. *лёмме* 'мошка, мошкара', саам [2, с. 193]. Компонент *кибы* в наивной картине мира передает характеристику маленького роста, размера, возраста ребенка, сравнивая с жучком или вошью – *кибы*, *тэй* в удмуртском языке, в русском – клопом (напр.: *Ой, кибы!* – говорят о маленьком ребенке, который что-то соображает и уже может что-то делать). Выражение *зын кибы* букв. 'вонючий жук' используется для характеристики вредного человека. Всем известное высказывание *без бумажки – ты булашка*, нашло отражение в обоих языках. Щуплое телосложение и худоба носителями русского языка связываются с такими насекомыми, как глист, комар и кузнечик [3, с. 95], для удмуртской картины мира – *чибинь* 'комар; мошкара'.

Компонент *лемтэй* 'клещ' относится к негативным характеристикам человека, т.к. стал одним из опасных насекомых в наше время. Выражения с компонентом *лемтэй* относятся к человеку, который мертвой хваткой берётся за другого человека, до тех пор, пока не выпьет из него все силы. Это очень надоедливый человек, способный выжать все силы и соки из объекта-жертвы. Человек остаётся как бы парализованным, опустошённым. Вполне, возможно, что семантика выражения не несла раньше столь негативного значения, имелось в виду, что очень сложно клеща отцепить от кожи, т.к. при неаккуратных действиях головка остаётся. Сейчас семантика выражения ещё больше стала отрицательной.

Этимология слова прозрачна и выводится из лем 'клей' + *тэй* 'вошь', т.е. вошь, которая клеится; клеящаяся вошь. Сохранились в языке и фразеологизмы: *Лемтэй кадь куртчиськыны* 'Вцепиться как клещ' [6, с. 222] (варианты: *лемтэй кадь кырмиськыны* 'вцепиться как клещ'; *лемтэй кадь мертчыны* 'впиться как клещ'). *Сир кадь лякиське, лемтэй кадь куртчиське* букв. 'Как сера липнет, как клещ впивается' (*кровосос*) [1, с. 107]. Удмуртский язык сохранил архаичные приметы: *Лемтэй пеляд куртчиськиз ке, пыш жуужыт луоз* 'Если клещ вопьётся в ухо, то конопля будет высокая'. *Нырысьсэ лемтэй мар жуужда кеме куртчиськиз, со жуужда пышед будоз* 'На какой высоте вначале клещ вопьётся, такой высоты и будет конопля'.

В удмуртском языке существует выражение лушкем кей 'скрытная моль (личинка моли)', которое обозначает скрытного человека. На русский язык переводится как в тихом омуте черти водятся (букв. 'тихая/скрытная моль'). Фразеологическое выражение выводит на первые план образ моли, точнее, ее личинки, которая тайно делает свое дело. Синонимичное ему выражение: *Пычей чус ке но, нюлэсэз изьянтэ 'короед тихий, да лес портит'*, где пычей зоол. '1. короед; дровоед 2. жук-носорог'. удмуртском языке актуализируется такое качество насекомого как скрытность, то в русском фразеологизме *серая моль* – серый, неприметный цвет, заурядность, незаметность человека (ср.: в чувашском – зависть: *Кёвёсекене кёве сует* 'Того, кто завидует, съедает моль'). Пословицы и поговорки удмуртского языка также указывают на скрытое от глаз действие: *Лушкем пычейлы кузь ныро сизь вань* 'На тихоню-короеда личинка найдется' [6, с. 157]; *Сюлэмаз пычей (кей) порья* 'На душе кошки скребутся' (букв. 'в сердце у него короед (личинка моли) ползает') [1, с. 113]; *Сюлэмэз пычей порья (кей портэ)* 'Его сердце короед (моль) сверлит' [6, с. 207].

Бубыли 'бабочка' для удмуртского традиционного мировоззрения соотносится с душой умерших предков – *дул-бубыли* 'душа/дух-бабочка'. К ней очень трепетное и осторожное

отношение. Видимо, с этим связано и то, что в языке нет сравнений с бабочкой. С бабочкой могут сравнить кружащиеся снежинки – *лымы бубылыос*. А вот красота и легкость девушки в фольклоре никогда не сопоставлялись. Это пришло из переводной литературы. В литературе все сравнения уже относятся к советскому периоду.

Муш ‘пчела’, *коми муш*: *малямуш* ‘медоносная пчела’ [2, с. 169]. С пчелой сравнивают, как и в большинстве языков, работающего человека – *муш кадь ужась* ‘трудолюбивая, как пчела’. А вот злого человека сопоставляют с осой – *дуринч*: \diamond *дуринчи кадь пурзыны* ‘вспылить; разгорячиться’; *дуринчи лекам* букв. ‘будто ужаленный осой; злой’.

Пыч ‘клоп’, *пыч* ‘блоха’, *коми пыти* ‘тж’ [2, с. 237]. Клоп – очень маленькое насекомое: *пыч тэтчем но му вырзем* ‘бура в стакане воды’ (букв. ‘блоха прыгнула, и земля содрогнулась’). Важны для сравнения также его качества. Например, умение сильно и болезненно кусать: *пыч куртчем кадь* ‘как будто блоха укусила’; *пыч кадь сзэ* ‘прыткий как блоха’. Его укус едва выдерживают даже самые большие существа – животные, человек.

Муравей – еще одно из самых трудолюбивых насекомых. *Кузили* (*кузылыи, кузыли*) ‘муравей’, *коми козувкот* ‘муравей’: финн, эст., венг. [2, с. 126–127]. *Кузили кадь ужа* ‘как муравей работает’.

Медлительность часто осуждается в удмуртской культуре. Такого человека обычно сравнивают со шмелем: *майсы кадь каллен, шёкыч кадь кескич* ‘тих как шмель, хитёр как шершень’. *Майсы ‘шмель’, коми мазі ‘пчела, шмель’ [КЭСК 1999, с. 105].*

Назойливость, надоедливость часто сопоставима с поведением мух, комаров, мошкар и слепней/оводов: *лузь/чибинь/кут кадь ертись* ‘как овод/комар/муха назойливый’ (лузь зоол. ‘слепень; овод; паут’; *лузь кук* диал. ‘длинноногий’; *чибинь ‘комар; муха’*). *Чибинь пичи ке но, ошез сие* погов. ‘комар мал, да быка ест (кусают)’ [5, с. 727].

Сравнения, связанные с названиями насекомых, есть во всех языках. При помощи инсективных метафор моделируются определенные образы мира и человека.

Компоненты самые разнообразны. В первую очередь, они говорят о наблюдательности носителей того или иного языка, а также указывают на характер народа, создавшего их. Во-вторых, подобные сравнения репрезентируют языковую картину мира. В-третьих, исследователь может увидеть интересные когнитивные механизмы образования метафор, сравнений, уподоблений, которые отличаются от языка к языку, указывая на особенности освоения и вербализации окружающего мира.

Список литературы

1. Дзюина К.Н. Средства образного выражения в удмуртском языке. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.
2. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. – 430 с.
3. Мусси В. Этимологические метафоры в русской и итальянской картинах мира: монография. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 208 с.
4. Токарев Г. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Монография. – Тула: С-Принт, 2013. – 93 с. (Квазиэталон с базовым образом «Насекомое» 46 с.)
5. Удмуртско-русский словарь / Гл. ред. Л.Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.
6. Удмуртский фольклор: пословицы, поговорки, афоризмы. – Устинов, 1987. – 276 с.

Reference

1. Dzyuina K.N. Sredstva obraznogo vyrazheniya v udmurtskom yazyke. – Izhevsk: Udmurtiya. 1996. – 144 s.
2. Lytkin V.I. Gulyayev E.S. Kratkiy etimologicheskiy slovar komi yazyka. – Syktyvkar: Komi knizhnoye izd-vo. 1999. – 430 s.
3. Mussi V. Entomologicheskiye metafory v russkoy i italianskoy kartinakh mira: monografiya. – M.: FLINTA. 2019. – 208 s.
4. Tokarev G. Chelovek: stereotipy russkoy lingvokultury. Monografiya. – Tula: S-Print. 2013. – 93 s. (Kvazietalony s bazovym obrazom «Nasekomoye» 46 s.)
5. Udmurtsko-russkiy slovar / Gl. red. L.E. Kirillova. – Izhevsk. 2008. – 925 s.
6. Udmurtskiy folklor: poslovitsy. pogovorki. aforizmy. – Ustinov. 1987. – 276 s.